

Наша маленькая гостя в последнее время так и светилась от радости. Каждый день после полудня она тайком ускользала вслед за сестрой Мэй в школьную мастерскую, чтобы посмотреть, как я рисую.

Стоило ей столкнуться с Юй Цзэ, как она тут же принималась кружить вокруг него и строить уморительные рожицы. Девчушка всю веселилась, но я-то чувствовал: её время на исходе, скоро в путь — на перерождение.

Ребёнок, который всю свою короткую жизнь провёл в больничной палате и толком не видел мира, ухитрился сохранить удивительную душевную чистоту и светлый, почти детский оптимизм. Да и то, что она, будучи призраком, ни капли меня не боялась, говорило о многом. Никакой злобы, никакой тяжёлой кармы — за душой девчушки тянулся едва заметный, мягкий шлейф благой заслуги. В Преисподней таких не задерживают: сразу отправляют на перерождение, причём по высшему разряду.

Родится в приличной, зажиточной семье, получит счастливую судьбу и проживёт спокойный, благополучный век. Всё, чего она была лишена в этой жизни, судьба с лихвой компенсирует ей в следующей.

Сестра Мэй уже начала потихоньку обучать Сяокуй премудростям загробной бюрократии: как подавать документы в Преисподнюю, как ладить с местными чиновниками и стражами, чего там стоит остерегаться. Малышка слушала затаив дыхание, но по её лицу было видно, что особой радости она не испытывает. Да и у меня, признаться, скребли кошки на душе. Всё-таки мы успели привыкнуть друг к другу. А когда свидимся вновь — если вообще свидимся, — она ведь уже переродится, сделает первый глоток из чаши Мэнпо и напрочь позабудет обо всём, что связывало её с прошлой жизнью.

Портрет, над которым трудился Юй Цзэ, был наконец закончен. Поговаривали, что заказчик должен явиться со дня на день, и Сяокуй наотрез отказывалась уходить, пока картину не выкупят. Пришлось мне пойти на крайние меры: сжечь для конвоиров из Преисподней приличную стопку ритуальных банкнот и принести в жертву бутылку знатной водки. Только после этого суровые призрачные стражи согласились дать нам отсрочку на пару дней.

Тем временем дозорные из моей Палаты Чан — бессмертные Чан, охранявшие дом, — донесли, что поблизости отираются двое подозрительных мелких бесов. Те явно следили за мной, а завидев нашу маленькую Сяокуй, и вовсе вытаращили глаза от изумления. Я долго ломал голову, но так и не вспомнил, кому успел перейти дорогу в последнее время. С чего бы за мной устанавливать слежку?

Ближе к ночи у призрачных шпионов объявился хозяин — мужчина лет тридцати в очках, с виду благообразный, даже с претензией на некую возвышенную одухотворённость. Эта троица крутилась под моими окнами, вынюхивая что-то в темноте.

Зачувяв неладное, я не стал искушать судьбу и спешно призвал на подмогу бойцов из клана Чан. Чан — это змеиные бессмертные, сородичи Лю Чжэньюань. В военном деле и боевых

построениях им равных нет, это самые грозные заступники в шаманском арсенале. В тот же вечер незваные гости схлестнулись с моими хранителями. Жаль, сам я этой потасовки не видел, но, судя по докладам, очкарика со свитой отделали знатно — бежал так, что только пятки сверкали.

На следующий день около полудня зазвонил телефон. Незнакомый голос вежливо пригласил меня на обед, чтобы обсудить покупку картины. Первой мыслью было отказаться — маляр я ещё тот, с чего бы кому-то выкладывать за мою мазню круглую сумму? Однако Хуэй Сяобао вовремя шепнул мне на ухо: «Дачуань, помнишь, Сяокуй говорила, что ждёт покупателя? Вдруг это её родные?» Подумав, я решил, что шанс упускать нельзя. Место встречи они называть не стали, пообещав прислать за мной машину к вечеру. Ну и ладно. Когда в назначенный час у подъезда зашуршали шины, я подхватил упакованный холст и без лишних сомнений забрался в салон. Обычный деловой ужин, отдам картину семье девочки, да и дело с концом. О худшем я как-то не думал.

Но когда машина затормозила у входа, я понял: дельце намечается непростое. Мы приехали к загородной усадьбе, которая выглядела так, словно её перенесли сюда прямиком из ушедшей эпохи — с целой анфиладой закрытых двориков и изящных павильонов. «Батюшки, да это же закрытый элитный клуб для богатеев!» — ахнул я про себя. Обычный обед, говорите? Ну-ну. Впрочем, для меня это была отличная возможность набить брюхо за чужой счёт.

Меня вежливо проводили в Павильон Встречи Ветра, где уже сидели четверо. Сразу бросилась в глаза супружеская пара лет тридцати с небольшим. Одеты просто, но с тем небрежным шиком, который выдаёт истинный аристократизм и безупречный вкус. Сразу видно — птицы высокого полёта.

Рядом с ними восседал тот самый очкарик, которого мои змейки вчера погнали взашей. Призрачная парочка по-прежнему вилась у его плеч. Теперь, когда мы оказались лицом к лицу, я разглядел их как следует. Никакие это не бесы, а самые настоящие ивовые духовные отроки — люлинътун, классическое творение даосских мастеров. Души безвременно ушедших детишек переселяют в деревянные куколки, вырезанные из векового ивового ствола. Даосы носят их с собой, помогая несчастным крохам совершать добрые дела и копить заслуги ради скорейшего перерождения.

Четвёртым был старец с благообразным лицом и серебряной копной волос — из тех, кого называют крепкими стариками. Несмотря на почтенный возраст, щёки его пылали здоровым румянцем. Одет он был в строгий, безупречно отглаженный полувоенный френч-мао.

Расклад, прямо скажем, не в мою пользу.

— Ну и ну, — усмехнулся я, останавливаясь у порога. — Мы тут драться собрались или картину покупать?

Внешне я старался держаться развязно и независимо, но внутри всё сжалось от напряжения. Слава богу, со мной были Лю Чжэньюань и Хуэй Сяобао. Без моих верных хранителей я

чувствовал бы себя как голый на морозе.

Мужчина — тот самый утончённый господин, который звонил мне днём, — поднялся навстречу и вежливо указал на свободный стул:

— Господин Чжоу, это я вас побеспокоил. До нас дошли слухи, что у вас находится портрет нашей покойной дочери. Мы бы очень хотели его выкупить. Прошу вас, присаживайтесь к столу.

«Ага, держи карман шире», — подумал я. Кто же зовёт человека на дружескую трапезу, предварительно устроив за ним слежку? Но отступать было поздно. Я размашисто шагнул к столу и уселся на стул с самым величественным видом, какой только смог напустить. Рядом со мной эти господа казались утончёнными интеллектуалами, а старик, судя по всему, пришёл на подмогу очкарику. Двое против одного — чистый грабёж! И за что мне всё это? Я ведь просто хотел совершить доброе дело, помочь маленькому призраку, а угодил на настоящую бандитскую стрелку.

— Вот картина, — я выставил упакованный холст вперёд. — Смотрите сами, всё ли в порядке.

С меня хватит. Что бы они там ни задумали, связываться с ними я больше не намерен. Сяокуй — чудесная девочка, и ради неё я готов был расстаться с картиной, но её холёные родители вызвали у меня глухое раздражение.

Женщина дрожащими руками принялась срывать плотную упаковочную ткань. Стоило холсту обнажиться, как она замерла, не отводя взгляда от ярких красок. Одной рукой она придерживала подрамник, а пальцами другой осторожно, словно боясь спугнуть нарисованное чудо, коснулась лица весело смеющейся Сяокуй. В её глазах блеснули слёзы, плечи мелко задрожали.

Ну, хоть тут без притворства. Мужчина тоже заметно разволновался, хотя и удержал себя в руках, оставшись в кресле. Настоящий кремь.

— Благодарю вас за ваш талант, господин Чжоу, — глухо произнёс он. — Наша малышка покинула этот мир довольно давно. Спасибо, что помогли исполнить её последнее желание. — С этими словами он вытащил из кармана элегантную книжку и пододвинул ко мне выписанный чек: — Примите это в знак нашей искренней признательности.

Я сохранял на лице маску полнейшего равнодушия, хотя сердце в груди устроило настоящую чечётку. «Вот ведь пижон, — ворчал я про себя. — Мог бы просто в конверте пару тысяч накинуть, так нет же, чек выписывает. Прямо как в дурацких сериалах». Я небрежно скользнул взглядом по бумажке... и едва не поперхнулся воздухом. Один, два, три... Шесть нулей! Миллион юаней?! У меня что, в глазах двоится?

Заметив, как у меня поползли вверх брови, хозяин истолковал моё замешательство по-своему:

— Если господин Чжоу согласится вернуть нам душу нашей дочери, я готов удвоить эту сумму,
— он сделал едва заметный жест рукой, но я даже ухом не повёл.

Вот оно что! А я-то, наивный, гадал, с чего бы за посредственный рисунок отваливать миллион. Оказывается, эти умники решили, будто я насильно удерживаю дух их дочери. Ну что за люди? Неужели в нашем мире перевелись те, кто делает добрые дела просто так, от чистого сердца?

— Картина мне и самому нравится, — я хладнокровно пододвинул чек обратно к её отцу. — Но цену себе я знаю. Моя мазня столько не стоит.

Очкарик тут же вскинулся, гневно ткнув в мою сторону пальцем:

— Ты зубы-то нам не заговаривай! Я своими глазами видел, как девчонка ходит за тобой хвостом. Да и в Преисподней у меня свои люди есть — они подтвердили, что её душу придержали по твоему запросу. Ты её силой держишь!

Внутри у меня всё закипело. Объясняться с этим хамом не было никакого желания, поэтому я решил пойти ва-банк:

— Допустим, — я скрестил руки на груди и откинулся на спинку стула. — Дух Гэ Сяокуй действительно у меня. И стражам преисподней я лично на лапу дал, чтобы повременили с перерождением. И что вы мне сделаете?

Очкарик от такой наглости аж воздухом поперхнулся, разинув рот. А вот старик — Мастер Ши — и бровью не повёл.

— Юноша, — неторопливо проговорил он, дружелюбно улыбаясь. — Душа этой девочки не обладает никакими редкими дарами. У вас за спиной стоит мощная рать духов-хранителей, одним больше, одним меньше — погоды не сделает. Окажите уважение старику, отпустите дитя.

«Уважение? Да ты кто вообще такой, дед?» — вертелось у меня на языке, но вежливость, которую мне вколачивали с детства, удержала от грубости. Тем временем Гэ Тянь снова придвинул ко мне чек, на этот раз пустой:

— Господин Чжоу, если вы отпустите её, можете вписать сюда любое число. Какое пожелаете.

«Любое, говоришь? А если я туда миллиардов десять вкатаю, пойдёшь по миру с протянутой рукой?» — мысленно усмехнулся я.

Пока я предавался этим весёлым фантазиям, в моей голове раздался писклявый голосок Хуэй Сяобао:

"Дачуань, глянь на эту даму с прической пучком. У неё с Сяокуй связь неразрывная. Ох, не простая это связь — они ведь снова станут матерью и дочерью"

"Это как это?" — удивился я.

"Да так. Малышка переродится и через пару-тройку лет вернётся к ней же в утробу. Судьба у них такая"

Теперь картина прояснилась. Эти двое действительно безумно любили свою дочь, так что за их порывы я зла на них не держал — обычное родительское отчаяние. Но вот этот напыщенный очкарик Вэй Цинфэн бесил меня неимоверно. С какого перепугу он возомнил себя великим детективом и решил, что я запер бедного ребёнка в темнице? Да и папаша хорош — привык все проблемы деньгами заливать. Тьфу, тошно смотреть.

"Сяобао, — мысленно позвал я своего серого приятеля. — Сбегай разузнай, где там сестра Мэй. Она ведь обещала привести Сяокуй. Почему их до сих пор нет?"

Малышка прослышала, что сегодня её портрет наконец передадут родителям, и умолила Фэн Мэй дать ей время «прихорошиться», чтобы предстать перед мамой и папой в самом лучшем виде.

Сяобао послушно шмыгнул к выходу, но вернулся подозрительно быстро. Мордочка у него была испуганная и растерянная:

"Дачуань, беда! Ходу нет. Эти двое снаружи такой заслон выставили, что сквозь него не пробиться. Мы в ловушке!"

«Ну точно, бандитский притон», — злорадно подумал я. Похоже, старикан с очкариком времени даром не теряли и окружили павильон барьером.

— Господа хорошие, — я с самым невинным видом обратился к Вэй Цинфэну и старику. — У меня к вам один ма-а-аленький вопрос.

Старик добродушно прищурился и сделал приглашающий жест рукой:

— Спрашивай, мил человек.

— Вы требуете, чтобы я отпустил девчущку, верно? Но при этом заперли меня здесь под замок. И как мне, по-вашему, передать приказ своим домашним? По мобиле духам звонить, что ли?

Очкарик от такой логики поперхнулся собственным красноречием и уставился на меня круглыми глазами, готовый, кажется, сожрать меня живьём. А вот старый лис даже бровью не

повёл:

— Мои ивовые отроки свободно проходят сквозь любые барьеры. Передай весточку через них, это ведь не составит труда?

Ну и пронира. Спорить с ним было бесполезно. Я вздохнул, вытащил из кармана дешёвую шариковую ручку и оглядел присутствующих:

— Бумажка у кого-нибудь найдётся?

Чжоу Юнь торопливо расстегнула сумочку, извлекла аккуратно сложенный листок и дрожащими руками протянула его мне. Её глаза, полные бездонной тоски и мольбы, смотрели на меня так, что у меня внутри всё перевернулось.

Слегка смутившись под её взглядом, я принял бумагу и быстро набросал: «Срочно найдите сестру Мэй и ведите Сяокуй сюда». Сложив листок, я привычным жестом сплёл пальцы в печати и поджёг бумагу прямо на ладони. Огонёк лизнул края, и через мгновение обуглившийся клочок растаял в воздухе, чтобы тут же соткаться в лапке одного из ивовых отроков.

Маленький дух удивлённо уставился на невесть откуда взявшееся послание, а затем, получив кивок от своего хозяина, пулей вылетел за дверь.

— Ну а теперь, — я поудобнее устроился на стуле и потёр руки, — когда нас кормить будут? Живот уже к спине прилип, а на сытый желудок и договариваться приятнее.

Гэ Тянь тут же вострепнулся и махнул рукой стоявшему у двери официанту:

— Немедленно несите горячее!

Надо отдать должное местным поварам — угощение превзошло все мои ожидания. На столе появились такие изыски, о существовании которых я даже не подозревал. Больше всего мне пришлось по душе классическая сучжоуская рыба-белка в кисло-сладком соусе. Моя матушка как-то пыталась повторить этот шедевр дома, но здешний шеф определённо уделал её по всем статьям. Пока никто не видел, я ухитрился незаметно переложить самые сочные кусочки в тарелочки Сяобао и Лю Чжэньюань.

Когда мои невидимые спутники принялись за еду, я краем глаза заметил, как по лицам супругов скользнула мимолётная тень изумления. Похоже, перед этой встречей очкарик открыл им духовное зрение. Что же, тем лучше. Мне и самому до безумия хотелось увидеть, как изменится их благородная спесь, когда порог павильона переступит их покойная дочь.

<http://bllate.org/book/20253/2213195>